

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

STATE AND LAW IN CONTEMPORARY WORLD

DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-3-394-412

Научная статья

ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ НА ЮГО-ВОСТОКЕ УКРАИНЫ: ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ

П.П. Кремнев¹

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Москва, Россия, Ленинские горы, 1, с. 136

Неконституционная смена власти на Украине в результате «майданной революции» в феврале 2014 года с последовавшим за этим захватом украинскими радикалами органов местной власти под националистическими лозунгами явились причиной противостояния несогласного с этим населения Донецкой и Луганской областей, которое установило контроль над этой территорией и сформировало отряды вооруженных ополченцев. Достаточно скоро это противостояние привело к непрекращающимся по настоящее время боевым столкновениям между вооруженными формированиями ополченцев с подразделениями регулярных вооруженных сил Украины. Целью настоящей публикации является установление формы данного вооруженного конфликта и его правовых последствий с позиций действующего международного права, что до настоящего времени не нашло должного юридического анализа и освещения ни в отечественной, ни в зарубежной (в том числе украинской) правовой доктрине. В официальных заявлениях и законодательных актах Украины этот конфликт декларируется как «состояние войны с Россией», «агрессией России», а украинская доктрина международного права практически единодушно заявляет о необходимости применения к конфликту норм международного гуманитарного права и квалифицирует его в качестве международного вооруженного конфликта. В данной статье на основе анализа действующих международно-правовых норм и правовой доктрины осуществлена квалификация существующих форм вооруженных конфликтов: война, международный вооруженный конфликт, вооруженный конфликт немеждународного характера, интернационализированный вооруженный конфликт. При этом рассматриваются правовые последствия (или иначе — обязанности сторон конфликта), которые вызваны каждой формой такого вооруженного кон-

¹ © Кремнев П.П., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

фликта, что замалчивается и игнорируется украинской стороной. На основе проведенного теоретико-правового анализа Устава ООН, соответствующих положений Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 года и Дополнительных протоколов I и II 1977 года автор квалифицирует ситуацию на Юго-Востоке Украины в качестве вооруженного конфликта немеждународного характера и обязанностью соблюдения применимых к нему правовых норм всеми сторонами конфликта – как подразделениями вооруженных сил Украины, так и вооруженными формированиями ополченцев Донбасса. Одновременно автор приходит к выводу о несостоятельности утверждений о применимости к конфликту на Донбассе норм, регулирующих иные формы указанных вооруженных конфликтов. Иными словами, международно-правовые нормы, регулирующие ведение международных вооруженных конфликтов и интернационализированных вооруженных конфликтов, не подлежат применению к конфликту на Юго-Востоке Украины.

Ключевые слова: вооруженный конфликт немеждународного характера, правовые последствия, конфликт на Донбассе

ВВЕДЕНИЕ

Вот уже более пяти лет на территории Донецкой и Луганской областей Украины не прекращаются боевые столкновения с применением тяжелых видов вооружений. В отношении данного конфликта существует широкий разброс мнений и политических оценок относительно причин и хода вооруженного противостояния, роли в нем России и других иностранных государств, а также правовой оценки характера и формы этого конфликта: «антитеррористическая операция», боевые столкновения регулярных вооруженных сил Украины с «подконтрольными России» незаконными вооруженными формированиями Донбасса, вплоть до «отражения российской агрессии» и «непосредственного участия» подразделений регулярных вооруженных сил России в этом конфликте. Целью настоящей публикации является осуществление исключительно юридического анализа – установление формы данного вооруженного конфликта сквозь призму действующего международного права и констатация вызванных им правовых последствий для участвующих в нем сторон. Одновременно следует указать, что в настоящей публикации конфликт на Донбассе рассматривается вне контекста и какой-либо связи с правовой ситуацией в отношении государственной принадлежности Крыма. Последняя проблема в силу множества ее правовых составляющих подлежит отдельному доктринальному анализу, что уже выходит за рамки данной публикации.

Как известно, после осуществленного на Украине в феврале 2014 года антиконституционного переворота² в период «вакуума власти» сначала в обла-

² Со стороны официальных представителей властей ведущих западных держав и европейских СМИ упорно замалчивается следующий значимый юридический факт. 21 февраля 2014 года при содействии и под письменные гарантии (sic!, т.е. «обязанность заставлять соблюдать») министров иностранных дел Германии, Франции и Польши между законно действующим президентом Украины В. Януковичем и лидерами «майданной оппозиции» было заключено соглашение о прекращении противостояния, проведении досрочных президентских и парламентских выборов, одновременном уходе из района Майдана Незалежности спецподразделений МВД и оппозиции. Не известно, успели ли покинуть Киев европейские «министры-гаранты», но уже через несколько часов после подписания указанного соглашения оппозиция совершила насильственный захват власти на Украине. Таким образом, фактически при молчаливом согласии указанных стран и безмолвной реакции других государств «западной демократии» на Украине был совершенный государственный переворот.

стях Западной Украины, а затем и по всей стране боевые группы украинских радикалов приступили к захвату местных органов власти и установлению националистических порядков (под знаменами и портретами Бандеры и Шухевича). Население Донецкой и Луганской областей сумело самоорганизоваться, дать отпор радикалам и учредить местные органы самоуправления, провозгласить на части территорий указанных областей о «создании Донецкой народной республики» и «Луганской народной республики» (далее — ДНР и ЛНР). Впоследствии это противостояние вылилось в боевые столкновения между вооруженными формированиями ополченцев ДНР-ЛНР с силовыми структурами Украины. Первоначально киевские власти объявили ополченцев Донбасса «террористическими организациями»³ и долго и упорно именовали данный вооруженный конфликт «антитеррористической операцией» (АТО), хотя вскоре были заключены Минские соглашения («Минск-1», а затем «Минск-2»), в конфликте были широко задействованы группировки регулярных вооруженных сил Украины, а для этих целей в стране объявлялось несколько этапов мобилизации. В дополнение к этому руководство страны (экс-президент страны П. Порошенко, экс-глава правительства В. Гройсман) и все официальные средства массовых коммуникаций постоянно заявляют о «состоянии войны с Россией» и «вынужденной необходимости вести войну с Россией».

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА КОНФЛИКТА ОФИЦИАЛЬНЫМИ ВЛАСТЯМИ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНОЙ УКРАИНЫ

Юридическим завершением этих пропагандистских мероприятий стало принятие Верховной Радой Украины и вступление в силу 24 февраля 2018 года так называемого «Закона о реинтеграции Донбасса» «Про особливості державної політики із забезпечення державного суверенітету України над тимчасово окупованими територіями в Донецькій та Луганській областях» (Об особенностях государственной политики по обеспечению государственного суверенитета Украины над временно оккупированными территориями в Донецкой и Луганской областях)⁴. В данном Законе со ссылкой на IV Гаагскую конвенцию о законах и обычаях войны 1907 года, Женевскую конвенцию о защите гражданского населения от 12 августа 1949 года и резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН «Определение агрессии» от 14 декабря 1974 года Российская Федерация официально именуется «агрессором» и «государством оккупантом» восточных районов Украины: «Российская Федерация совершила преступление агрессии против Украины» (преамбула Закона) и «осуществляет временную оккупацию

---

³ Сначала с таким заявлением выступила Генеральная прокуратура Украины, а 21 июля 2014 года уже президент П. Порошенко обратился к США и странам Запада с призывом «непосредственно вступить в борьбу с терроризмом на Востоке Украины».

⁴ Бурнос Т. В Украине вступает в силу закон о реинтеграции Донбасса // Газета Верховной Рады «Голос Украины». 23 февраля 2018.

части ее территории» с помощью регулярных вооруженных сил и иных вооруженных формирований Российской Федерации (преамбула, статья 1.2 Закона).

События на Украине после февраля 2014 года в англоязычной правовой литературе рассматриваются в форме теоретико-правовой дискуссии о принадлежности Крыма сквозь призму доктринального анализа соотношения принципов территориальной целостности государств и права наций на самоопределение (Borgen, 2014; Shirmammadov, 2016:61–97; Shany, 2015)⁵. Украинская наука международного права целиком единодушна и сконцентрирована на правовой оценке «аннексии Крыма Россией» (Zadorozhniy, 2015:144; Merezhko, 2015)⁶, а ситуация вооруженного конфликта на Донбассе лишь упоминается в единичных высказываниях: «агрессия России против Украины» (Zadorozhniy, 2014:129), «оккупация части Луганской и Донецкой областей... требование освободить Н. Савченко, других военнопленных и граждан Украины, которые незаконно удерживаются в российских тюрьмах» (Zadorozhniy, 2015:13). Одновременно нельзя не заметить, что ни один из представителей украинской школы международного права, известной своим достаточно высоким научным потенциалом и скрупулезностью теоретико-правового анализа, кроме голословных заявлений не приводит никаких достоверно подтвержденных и обоснованных доказательств «оккупации» или «агрессии» России в Юго-Восточной Украине, у них также практически напрочь отсутствует доктринальный анализ и квалификация вооруженного конфликта на Юго-Востоке Украины. Едва ли не единственным украинским правоведом остается известный юрист-международник Н. Гнатовский, который осуществил обстоятельный правовой анализ природы интернационализированного вооруженного конфликта преимущественно в контексте решений Международного Суда ООН (Military and Paramilitary Activities in and Nicaragua (Nicaragua v. United States of America. 1986), Applications of the Convention on Prevention and Punishment the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro. 2007) и Апелляционной Палаты Международного трибунала по бывшей Югославии (Prosecutor V. Tadić, ICTY (Appeal Chamber), Case No. IT-94-1 «Prijeđor». 2007) (Gnatovsky, 2014:785–788). В результате Н. Гнатовский приходит к сложной юридической конструкции: ситуацию на Юго-Востоке Украины следует квалифицировать в качестве международного вооруженного конфликта и (одновременно) интернационализированного конфликта, допуская при этом «параллельную квалификацию как меж-

⁵ См., например: Vidnar J. The Annexation of Crimea and the Boundaries of the Will of the People . German Law Journal. 2015. Vol.16. (3), 365-383; Müllerson R. Ukraine. Victim of Geopolitics. Chinese Journal of International Law. 2014. Vol. 13. Issue 1 и др.

⁶ Merezhko O. Crimea's Annexation by Russia — Contradictions of the New Russian Doctrine of International Law, available at // <http://knl.u-kiev.academia.edu> (Accessed 25 May 2019); Марусяк О.В. Анексія Криму Російською Федерацією як злочин агресії проти України. Міжнародно-правові аспекти. Монографія. Чернівці «Місто». 2016. и др.

дународного» вооруженного конфликта⁷. Вместе с тем применение в данном конфликте вооруженных сил Украины странным образом именуется Н. Гнатовским в качестве «антитеррористической операции».

Какие правовые последствия следуют из приведенных выше официальных заявлений лиц, уполномоченных выступать от имени Украины, положений «Закона о реинтеграции Донбасса», а также господствующих в украинской международно-правовой доктрине убеждений?

ФОРМЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Правовые последствия начала и порядка ведения вооруженных конфликтов находятся в прямой зависимости от формы таких конфликтов, при этом каждая из них имеет свои особенности. В самом общем виде согласно Женевским конвенциям 1949 года о защите жертв войны и Дополнительным протоколам к ним 1977 года все вооруженные конфликты подразделяются на следующие формы: война, международные вооруженные конфликты, вооруженные конфликты немеждународного характера. В дополнение к этому правовая доктрина выделяет четвертую форму конфликтов – так называемые «интернационализованные вооруженные конфликты».

Для целей квалификации формы вооруженного конфликта на Донбассе следует хотя бы в кратком виде рассмотреть каждую из форм вооруженных конфликтов и влекомые ими правовые последствия.

Война — это *юридическое состояние* между воюющими державами, связанное в первую очередь с разрывом мирных отношений между ними, а также противоборством их вооруженных сил между собой либо без ведения боевых действий между ними. Война или «состояние войны», которое объявляется (как того требует Гаагская конвенция об открытии военных действий 1907 года⁸) уполномоченными органами или лицами воюющих государств. При этом непосредственные боевые действия могут так и не начаться, главное же — юридическое состояние войны, разрыв мирных отношений между воюющими или переход от применения «права мира к праву войны». Исходя из практики межгосу-

---

⁷ «Определение юридических рамок, в которых должны действовать стороны вооруженного конфликта, который продолжается в Донецкой и Луганской областях Украины, является сложной задачей. Квалификация вооруженного конфликта в Украине как немеждународного (и/или «интернационализованного») оставляет сравнительно большую свободу маневра для руководства «Антитеррористической операции», чем настаивать на квалификации конфликта как международного. Это, конечно, не отрицает параллельной квалификации того же конфликта как международного в той мере, в какой в нем участвует (прямо или через контролируемых ею лиц) Российская Федерация // Гнатовский М.М. Указ. соч. С. 800-801.

⁸ Ст.1 Конвенции: «...военные действия между ними [воюющими державами] не должны начинаться без предварительного или недвусмысленного предупреждения, которое будет иметь или форму мотивированного объявления войны, или форму ультиматума с условным объявлением войны».

дарственных отношений⁹, что наиболее ярко проявилось в период Первой и Второй мировых войн, состояние войны приводило к разрыву дипломатических и консульских отношений между воюющими государствами (Greenwood, 1987:283–306)¹⁰, прекращению действия договоров между воюющими сторонами (политических, экономических и иных, рассчитанных на мирное время) (McNair, 1966:469)¹¹. При этом нередко между формальным объявлением войны или ее фактическим началом (т.е. началом ведения боевых действий между воюющими державами) в отношении правовых последствий практически не делалось различий.

Кроме этого, объявление состояния войны также влечет и внутригосударственные последствия, основанные на национальных актах, разработанных еще в мирное время. Как правило, это законодательство о военном положении или чрезвычайном положении, вводимое на всей или части территории страны. В соответствии с такими актами меняется структура органов государственной власти и управления, происходит существенное сокращение прав и свобод граждан, проводится мобилизация, устанавливается обязательная трудовая повинность и работы на нужды военного времени, под страхом уголовного наказания вводится ответственность за «пособничество врагу» (в том числе осуществление экономических сделок или иных контактов с вражеским государством) и т.п.

Уместно заметить, что после Второй мировой войны в мире произошло более 200 международных вооруженных конфликтов, однако юридическое состояние войны официально ни разу не было объявлено. И хотя в современном международном праве институт объявления войны формально остается действующим, в правовой доктрине метко отмечается, что «его постепенное отмирание не может остаться незамеченным» (Dinstein, 2011:32).

---

⁹ Одновременно необходимо указать, что такая межгосударственная практика, получившая широкое признание в мировой доктрине международного права, не нашла конвенционного закрепления или признания в качестве международного обычая.

¹⁰ В некоторых англоязычных источниках говорится не об «автоматическом прекращении», а менее категоричная формулировка о «потенциальном разрыве дипломатических отношений» в случае объявления войны. См.: Greenwood C. *The Concept of War in Modern International Law*. *International and Comparative Law Quarterly*. Vol. 36. (2). 1987, 283—306.

¹¹ О широко распространенной позиции отечественной доктрины международного права о правовых последствиях состояния войны см.: Кожевников Ф.И. *Международное право и война // Международное право. Учебник /Отв. ред. Кожевников Ф.И. М.: Международные отношения, 1987. С. 534; Остапенко Д.Д. Международное право в период вооруженных конфликтов // Международное право. Учебник /Отв. ред. Тункин Г.И. М.: Юридическая литература, 1982. С. 509-510; Егоров С.А. *Право вооруженных конфликтов. //Международное право. Учебник. Отв. ред. Кузнецов В.И. М.: Юрист. 2001. С.537-539; Международное право. Учебник. Отв. ред. Колосов Ю.М., Кузнецов В.И. М.: Международные отношения, 1999. С. 369-371; Соколова Н.А. *Международное гуманитарное право // Международное публичное право. Учебник. Отв. ред. Бекашев К.А. М.: Проспект. 2009. С. 851-852; McNair L., Watts A.D. *The Legal Effects of War*. Cambridge Univer. Press. 1996 и др.***

Международный вооруженный конфликт — это вооруженное противостояние или использование регулярных вооруженных сил в отношениях между государствами. Принципиальное отличие от предыдущей формы конфликта — состояние войны при этом не объявляется. Порядку ведения международных вооруженных конфликтов и их правовым последствиям посвящены четыре Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 года¹² и Дополнительный протокол I 1977 года. Содержание термина-понятия «международный вооруженный конфликт» в действующем международном праве не раскрывается, однако можно согласиться с утверждением о том, что международный вооруженный конфликт существует каждый раз, когда в результате применения силы в отношениях между государствами появляются раненые либо во власть противной стороны попадают военнопленные¹³ (David, 2002:123) или происходит военная оккупация части территории другого воюющего государства (Silven, 2009). Иными словами, указанные ситуации создают условия применения Женевских конвенций 1949 года и Дополнительного протокола I 1977 года (Aliev, 2015:47–53; Artsibasov, 1975:298; David, 2002:123; Batyr', 2011:689; Kolb, Hyde, 2008)¹⁴.

К правовым последствиям, вытекающим из начала международных вооруженных конфликтов, относится следующее. Прежде всего следует указать на применение системы Держав-покровительниц. С самого начала международного вооруженного конфликта воюющие стороны обязаны без промедления назначить Державу-покровительницу, на которую возложена охрана ее интересов, и также без промедления разрешить деятельность Державы-покровительницы, признанной ею в качестве таковой после назначения противной стороной (статья 5 Дополнительного протокола I). Конвенционные функции Держав-покровительниц весьма важны и обширны — оказание содействия и осуществления контроля¹⁵ в применении I, II и III Женевских конвенций 1949 года (практически дословно

¹² Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 года (далее ЖК I), Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море от 12 августа 1949 года (далее ЖК II), Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 года (далее ЖК III), Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 года (далее ЖК IV). Участниками указанных Конвенций являются все государства — члены ООН.

¹³ Geneva Convention I for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field: Commentary. Geneva.: ICRC. 1952. 28,34.

¹⁴ Подробнее о международных вооруженных конфликтах см.: Егоров С.А. Вооруженные конфликты и международное право. М.: ДА МИД России, 2003; Котляров И.И. Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов (основные теоретические проблемы и практика). М.: Юрлитинформ, 2013; Полторац А.И., Савинский Л.И. Вооруженные конфликты и международное право. М.: Наука, 1976; Geneva Convention I for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field: Commentary. Geneva.: ICRC. 1952.; Н.Р. Gasser. International Humanitarian Law: an Introduction, in: Humanity for All: the International Red Cross and Red Crescent Movement. Berne. 1993 и др.

¹⁵ Соответствующие положения статей на русском языке «Настоящая конвенция будет применяться при содействии и *под контролем* (выделено автором, П.К.) Держав-покровительниц...» (ст.8 I-й Женевской конвенции) в тексте на английском языке изложены в менее категоричной формулировке: “The present Convention shall be applied with the co-operation and under the scrutiny of the Protecting Powers...” — «...при содействии и *под наблюдением* Держав-покровительниц...».

совпадающая статья 8 всех этих трех конвенций). Если по каким-либо причинам Держава-покровительница не назначена или не действует, то находящиеся в конфликте стороны обязаны без промедления принять предложение Международного Комитета Красного Креста (далее МККК) или любой другой беспристрастной, гуманитарной и эффективной организации действовать в качестве субститута (статья 5 Дополнительного протокола I), т.е. фактически выполнять функции Державы-покровительницы.

С самого начала конфликта и во всех случаях оккупации стороны конфликта должны учредить национальные Справочные Бюро по делам военнопленных и иных покровительствуемых лиц (статья 122 ЖК III, статья 136 ЖК IV), в обязанность которых входит сбор и концентрация необходимых сведений о раненых, больных и умерших неприятельской стороны и местах их захоронений (статьи 16, 17 ЖК I, статья 19 ЖК II), военнопленных (статья 122 ЖК III), интернированных и принудительно поселенных в определенном месте покровительствуемых лицах (статья 136 ЖК IV). Все эти сведения о покровительствуемых лицах национальное Справочное Бюро без промедления должно направить державе, гражданами которой они являются, через посредство Державы-покровительницы или Центрального Справочного Агентства.

Центральное Справочное Агентство по делам военнопленных и иных покровительствуемых лиц учреждается, в том числе при содействии МККК, в нейтральной стране (статья 123 ЖК III, статья 140 ЖК IV). Центральное Справочное Агентство концентрирует полученные официальным и частным путем сведения о военнопленных и иных покровительствуемых лицах, а также свидетельства о смерти, опознавательные медальоны, иные документы и ценности, имеющие значение для семьи покровительствуемых лиц, и в возможно короткий срок передает их державе, за которой числятся эти покровительствуемые лица (статья 16 ЖК I, статья 139 ЖК IV).

Особо следует отметить, что согласно общепризнанным положениям ЖК III и Дополнительного протокола I на попавших во власть противника комбатантов (т.е. правомерных участников вооруженных конфликтов) должен распространяться режим военного плена без каких-либо изъятий.

Вооруженные конфликты немеждународного характера. Анализ таких конфликтов традиционно осуществляется в контексте положений статьи I Дополнительного протокола II 1977 года: вооруженный конфликт, «...происходящий на территории какой-либо Высокой Договаривающейся Стороны между ее вооруженными силами и антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью ее территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол» (Poltorak, Savinskiy,

1976:178–179; Gasser, 1993:221–226)¹⁶. Вместе с тем согласно статье 3, общей для всех Женевских конвенций 1949 года, под такой конфликт подпадает ведение антиправительственными вооруженными формированиями (незаконные вооруженные группы и формирования) не только против собственно правительственных вооруженных сил, но и против вооруженных формирований правоохранительных органов и спецподразделений иных силовых ведомств государств.

Вооруженные конфликты немеждународного характера, несмотря на незначительное количество регулирующих их норм, также имеют свои правовые последствия, главным образом устанавливающие порядок ведения таких конфликтов обеими сторонами – как регулярными правительственными силами, так и участниками незаконных вооруженных формирований. К общим положениям относятся нормы гуманного обращения с прекратившими участие в непосредственных боевых действиях лицами, справедливое судебное разбирательство, общая защита гражданского населения и гражданских объектов от опасностей, связанных с проведением военных операций, введение на части территории государства режима чрезвычайного положения. Дополнительным протоколом II (наподобие «основной нормы» статьи 48 Протокола I 1977 года о необходимости делать различие между воюющими и гражданским населением) устанавливается общее правило: гражданские лица не могут быть объектом нападения (статья 13 Протокола II).

На участников незаконных вооруженных формирований, в отличие от ситуации международного вооруженного конфликта, не распространяется режим военного плена; при попадании во власть правительственных вооруженных сил они должны рассматриваться как задержанные. По решению уполномоченных органов государства такие лица могут подлежать амнистии и освобождению от ответственности за участие в вооруженных столкновениях с правительственными силами (статья 6 Протокола II), кроме случаев совершения ими общеуголовных преступлений. В дополнение к этому согласно принятой в 2001 году Поправке к статье 1¹⁷ Конвенции 1980 года¹⁸ ее положения и пять

---

¹⁶ Анализ немеждународных вооруженных конфликтов получил достаточное рассмотрение в правовой доктрине и решениях международных судов: Полторак А.И., Савинский Л.С. Вооруженные конфликты и международное право. С.178-179; L. Moir. *The Law of Internal Armed Conflict*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002; Report of the Commission of experts for the study of the question of aid to the victims of internal conflicts. *International Review of the Red Cross*. February 1963. 82-83; Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949. Geneva: ICRC, 1987. 44-67; ICTY, Prosecutor V. Boskoski. Paras. 199—203; ICTY, Prosecutor V. Limaj. Paras. 94—134 и др.

¹⁷ Ст. 1 Конвенции 1980 г.: «Настоящая Конвенция и прилагаемые к ней Протоколы применяются в ситуациях, указанным в статье 2, общей для Женевских конвенций 1949 года о защите жертв войны...». Иными словами, положения Конвенции 1980 г. применимы лишь к международным вооруженным конфликтам (общая статья 2 Женевских конвенций 1949 г.: «...настоящая Конвенция будет применяться в случае объявленной войны или всякого другого вооруженного конфликта между двумя или несколькими Высокими Договаривающимися Сторонами»).

протоколов к ней стали распространяться и на вооруженные конфликты немеждународного характера¹⁹. Поправку к статье 1 Конвенции 1980 года ратифицировали около 90 государств мира, в т.ч. Афганистан (2017), Грузия (2009), Россия (2007), Украина (2005), США (2005). А это значит, что наряду с преступлением нападения на гражданское население и гражданские объекты в современных немеждународных вооруженных конфликтах на территории Афганистана, Ирака, Украины (Донбасс) применение запрещенных протоколами²⁰ к Конвенции 1980 года обычных видов вооружений является военным преступлением.

Интернационализованный вооруженный конфликт — немеждународный вооруженный конфликт, происходящий на территории одного государства, в который вмешивается третье государство на стороне правительственных сил либо незаконных вооруженных формирований. При этом необходимо исходить из того, что такое вмешательство третьего государства должно быть в форме прямого участия в конфликте его вооруженных сил, либо такого участия иных лиц/групп/подразделений, поведение которых может быть присвоено этому третьему государству (Stewart, 2003:142).

Женевские конвенции 1949 года и Дополнительные протоколы к ним 1977 года не предусматривают и не регулируют такую форму вооруженных конфликтов. Однако, по наблюдению юристов МККК, «вмешательство третьих стран в гражданские войны [немеждународные вооруженные конфликты] остается постоянно действующим фактором» (Swinarski, 1984: 282). Классическими примерами такого вмешательства третьей стороны является участие стран НАТО в пользу одной стороны конфликта (т.н. «Армии освобождения Косово») в бывшей Югославии в 1999 г. (Egorov, 2000:25) и коалиции государств во главе с США на стороне «Северного альянса» против движения Талибан в Афганистане в 2001 году (Kremnev, 2016:81–82). В силу того, что вмешательство третьей стороны в определенной мере меняет юридическую природу немеждународного вооруженного конфликта и влечет уже иные правовые последствия между его участниками, в международно-правовой доктрине получила широкую поддержку концепция «интернационализованного вооруженного конфликта» в качестве новой формы вооруженных конфликтов (Stewart, 2003:129–175; Cassese, 2004:1130–1140; Gasser, 1983:145–161; Schindler, 1982: 255–265).

---

¹⁸ Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие от 10 октября 1980 года.

¹⁹ Пункт 3 Поправки к статье 1: «В случае вооруженных конфликтов, которые не носят международного характера и имеют место на территории одной из Высоких Договаривающихся Сторон, каждая сторона в конфликте обязана применять запрещения и ограничения настоящей Конвенции и прилагаемых к ней Протоколов».

²⁰ Примечательно, что помимо уже действующих 5-ти протоколов к Конвенции 1980 г., в их число будут входить иные такие протоколы, «...принятые после 1 января 2002 года» (пункт 7 Поправки 2001 года к статье 1 Конвенции 1980 года).

В таких случаях возникают следующая правовая ситуация. Отношения между правительственными силами и незаконными вооруженными формированиями продолжают регулироваться нормами Дополнительного протокола II (или общей статьей 3 к Женевским конвенциям 1949 года, если государство не является участником Протокола II), а отношения между третьим государством и стороной конфликта, против которой направлено это вмешательство (т.е. вооруженными силами законного правительства либо незаконными вооруженными формированиями) подлежат регулированию положениями Дополнительного протокола I и иных норм соответствующих конвенций. Таким образом, правовые последствия начала и окончания интернационализированных вооруженных конфликтов возникают с учетом квалификации формы вооруженного конфликта между участвующими сторонами – соответственно немеждународного вооруженного конфликта и международного вооруженного конфликта, что уже рассмотрено выше.

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ТЕЗИСА О «СОСТОЯНИИ ВОЙНЫ С РОССИЕЙ»

Итак, к каким выводам можно прийти в результате сопоставительного анализа соответствующих норм действующего международного права с официальными заявлениями Киева, украинской правовой доктриной и конкретными действиями украинской стороны применительно к ситуации на Донбассе?

Первое. Утверждение о совершении Россией «агрессии» в отношении Украины не имеет под собой юридических оснований, не влечет никаких правовых последствий. Как известно (в том числе и украинской стороне), согласно Уставу ООН, установление акта агрессии входит в исключительную компетенцию Совета Безопасности (статья 39 Устава), который такого решения не принимал. Далее, о «состоянии войны» с Россией. Кроме словесных заявлений Украина не предприняла никаких связанных с этим конкретных действий по разрыву мирных отношений с Россией (прекращение дипломатических отношений и т.д.). Помимо этого состояние войны исключает: ведение широкого экономического сотрудничества с «государством-агрессором»²¹, выдвигание требований о продолжении транспортировки энергоносителей (природного газа) «государства-агрессора» через свою территорию²², получение значительных денежных средств с территории «государства-агрессора» в виде перевода зар-

---

²¹ По данным Федеральной таможенной службы РФ, взаимный товарооборот между Россией и Украиной в 2018 г. составил около 15 миллиардов долларов США (\$), available at: <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-ukrainoy-v-2018-g/> (Accessed 17 April 2019).

²² Что означает извлечение экономической выгоды от сотрудничества с «агрессором» в виде получения платы за транзит газа — в среднем около 3 миллиардов \$ в год, available at: <https://bizcompass.com/skolko-rossija-platit-za-tranzit-gaza-ukraine-v.html> (Accessed 17 April 2019).

платы работающих в России украинских граждан²³, извлечение личной выгоды со стороны госслужащих высшего звена Украины через посредство собственных бизнес структур на территории Российской Федерации²⁴. Отмеченные примеры означают ни что иное, как «пособничество или оказание содействия вражескому государству», с которым Украина «находится в состоянии войны». По практике Второй мировой войны (в частности, в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов) в состоянии войны такие деяния категорически воспрещались и преследовались под страхом уголовного наказания.

Квалифицируя действия России в отношении Украины со ссылкой и в контексте IV Гаагской конвенции 1907 года и IV Женевской конвенции 1949 года (что имеет особое квалифицирующее значение), Украина тем самым на законодательном уровне констатирует состояние международного вооруженного конфликта с Российской Федерацией. А это означает обязанность украинской стороны выполнения конвенционных требований, вытекающих из начала и порядка ведения таких вооруженных конфликтов. К таковым, в частности, относятся: назначение Державы-покровительницы или субститута, учреждение национального Справочного Бюро по делам покровительствуемых лиц (раненых, больных, погибших и умерших противной стороны, концентрация и передача сведений о местах захоронений комбатантов противника), создание и соблюдение режима военного плена для соответствующих лиц, попавших во власть Украины²⁵, запрещение использования недозволенных методов и средств ведения вооруженных конфликтов²⁶ и т.д. Ничего из перечисленного украинской стороной не только не соблюдается, но и отсутствуют признаки готовности или возможности их выполнения. Подобные проблемы публично не обсуждаются и даже не затрагиваются украинской правовой доктриной.

С учетом изложенного, законодательные акты и заявления украинской стороны об «агрессии» и «состоянии войны с Россией» не имеют юридического обоснования и содержания и представляются декларациями, преследующими исключительно политические цели. Квалификация украинскими властями ситуации на Донбассе в качестве международного вооруженного конфликта, сторонами которого являются Украина и Россия, не соответствует фактической дей-

²³ Согласно заявлению МИД Украины число таких украинских граждан в России составляет около трех миллионов человек, available at: https://lenta.ru/news/2018/04/23/ukr_rus/ (Accessed 17 April 2019).

²⁴ Например, успешно функционировавшая до недавнего времени в российском Липецке кондитерская фабрика Roshen, собственником которой является экс-президент страны П. Порошенко. И такие примеры отнюдь не единичны.

²⁵ Как это широко известно из отечественных и зарубежных СМИ, попавшие во власть украинских вооруженных сил участники боевых действий из числа военнослужащих и ополченцев Донбасса содержатся в тюрьмах без права их посещения сотрудниками МККК, неоднократно отмечались случаи их гибели от нанесенных им побоев и пыток.

²⁶ В том числе неизбирательного оружия против гражданского населения и гражданских объектов, использование эмблемы ООН на боевых вертолетах украинских вооруженных сил, и т.п.

ствительности²⁷ и международно-правовым нормам, ибо РФ не совершала деяний, подпадающих под действие Женевских конвенций 1949 года и Дополнительного протокола I 1977 года.

НЕМЕЖДУНАРОДНЫЙ ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ

Второе, в отношении юридической оценки ситуации на Донбассе, что пока не нашло должного освещения в российской правовой доктрине. Автору настоящей публикации удалось обнаружить лишь две научные статьи правового характера по данной проблеме – (Kotlyarov, Puzyreva, 2014:265–271) и (Lobanov, 2015:62–74). Однако, правильно квалифицируя ситуацию на Юго-Востоке Украины в качестве немеждународного вооруженного конфликта, указанные авторы одновременно допускают возможность применения к подразделениям вооруженных сил Украины норм Дополнительного протокола I и других международных конвенций по «применению запрещенных средств и методов ведения войны» (кассетных боеприпасов, химического оружия) (Kotlyarov, Puzyreva, 2014:268, 269; Lobanov, 2015:66, 68). Иными словами, к ситуации немеждународного вооруженного конфликта допускается возможность применения норм, регулирующих порядок ведения международного вооруженного конфликта, с чем трудно согласиться.

Вооруженное противостояние на Юго-Востоке Украины соответствует всем признакам вооруженного конфликта немеждународного характера – вооруженные столкновения между подразделениями регулярных вооруженных сил Украины (ВСУ) с вооруженными формированиями ДНР-ЛНР, которые находятся под ответственным командованием, ведут согласованные боевые действия и осуществляют полный контроль над частью территории Донбасской и Луганской областей Украины. Постоянные заявления украинской стороны о «внешнем вмешательстве» и «прямом участии» подразделений регулярных вооруженных сил России в конфликте на Юго-Востоке Украины не подтверждаются установленными фактами. В пользу таких голословных утверждений не было предоставлено никаких достоверных доказательств и подтверждений из независимых источников²⁸, а наблюдатели ОБСЕ, напротив, неоднократно заявляли об отсутствии российских войск в зоне конфликта²⁹. Россия в офици-

---

²⁷ Признание факта о том, что Россия не является стороной данного вооруженного конфликта, вытекает из решений Нормандской четверки и утвержденных Советом Безопасности ООН Минских договоренностей 2015 г.

²⁸ Должно быть очевидно, что переброска российских вооружений и воинских подразделений на Донбасс (если таковая имела место) неизбежно и достоверно была бы зафиксирована с использованием кино-фото материалов космической съемки. Такие факты с большой помпой были бы преданы западными СМИ (в первую очередь украинскими) широкой огласке.

²⁹ Заявление генерального секретаря ОБСЕ Ламберто Заньера от 09.09.2016 г. «Интерфакс-Украина», available at: <https://112.ua/ato/obse-ne-podtverzhaet-prisutstvie-na-donbasse-rossiyskih-voyskl> (Accessed 29 May 2019).

альном порядке признала наличие российских добровольцев («примерно 4-5 тысяч человек») в зоне конфликта на стороне вооруженных формирований ДНР-ЛНР³⁰, но при этом иностранные добровольцы также воюют и на стороне украинских вооруженных сил. Однако если такие добровольцы выступают не от имени государства, а действуют в личном качестве, то согласно Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г. (глава II Проекта) отсутствуют основания присваивать их действия поведению какого-либо государства (в частности — России). Равным образом отсутствуют доказательства такого критерия вмешательства в конфликт третьей стороны, как осуществление Россией «эффективного контроля»³¹ над вооруженными формированиями ДНР-ЛНР. Тем самым, как представляется, отсутствуют основания в квалификации ситуации на Донбассе в качестве интернационализованного вооруженного конфликта, т.е. вооруженного конфликта немеждународного характера (между вооруженными силами Украины и вооруженными ополченцами Донбасса), в который вмешалась третья сторона (Россия).

Таким образом, в ситуации немеждународного вооруженного конфликта на Юго-Востоке Украины обязанностью всех сторон конфликта является соблюдение положений общей статьи 3 к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 года, Дополнительного протокола II 1977 года, а также Конвенции 1980 года и протоколов к ней о запрете применения обычных видов вооружений. Между тем, что утверждается независимыми СМИ и подтверждается документальными кино-фото материалами, гражданское население жилых кварталов Донбасса постоянно подвергается обстрелам из крупнокалиберной артиллерии и другого неизбирательного оружия³², а объектами нападения являются особо защищаемые гражданские объекты — больницы, школы и детские сады, места отправления культа³³. Такие действия представляют собой серьезные нарушения международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов (т.е. являются военными преступлениями) и влекут ответственность виновных лиц на основе международного права.

³⁰ Путин В.В. Донбассе воюют добровольцы, это не наемники. РИА Новости. 2014. 18 декабря, available at: <https://ria.ru/20141218/1038941954.html> (Accessed 24 May 2019)

³¹ См., например, решения Международного Суда ООН: *Military and Paramilitary Activities in and Nicaragua (Nicaragua V. United States of America)*. I.C.J. Reports. 1986; *Applications of the Convention on Prevention and Punishment the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro)*, Judgment. I.C.J. Reports 2007.

³² Включая применение зажигательного оружия (фосфорные бомбы) против гражданского населения летом 2014 года, что является нарушением Протокола III к Конвенции 1980 г, available at: <https://ukraina.ru/news/20150214/1012111570.html> (Accessed 15 June 2019).

³³ Один из последних таких случаев произошел при минометном обстреле здания мечети в Донецке 4 июня 2019 г. в период мусульманского праздника Ураза-байрам, когда там находились десятки верующих, available at: <https://lenta.ru/news/2019/06/04/mechet/> (Accessed 15 June 2019).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе проведенного теоретико-правового анализа представляется обоснованным следующий вывод: конфликт на Юго-Востоке Украины по своей форме должно квалифицировать ничем иным, как вооруженным конфликтом немеждународного характера. На него распространяются влекомые такой формой конфликта правовые последствия и правила по его ведению, обязательные для соблюдения всеми сторонами конфликта. Декларации о «состоянии войны с Россией» и заявляемые Украиной обвинения в «агрессии», «временной оккупации», «вмешательстве» Российской Федерации в конфликт на территории Донецкой и Луганской областей Украины лежат в плоскости политики и конъюнктурных политтехнологий. Подобные декларации и заявления, так и не подтвержденные достоверными доказательствами и средствами объективного контроля, находятся вне сферы рассмотрения международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов. А в силу отсутствия правооснований по признанию данного конфликта в качестве международного или интернационализированного вооруженного конфликта распространение соответствующих норм и правовых последствий на отношения между Украиной и Россией (применительно к конфликту на Донбассе) не представляется возможным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

- Aliev, Sh.M. (2015) Legal effects of the outbreak and termination of international armed conflict. *Eurasian Law Journal* (8), 47–53. (in Russian).
Алиев Ш.М. Правовые последствия начала и окончания международных вооруженных конфликтов // Евразийский юридический журнал. 2015. № 8 (87). С. 47–53.
- Artsibasov, I.N. (1975) *International Law: Laws and Customs*. Moscow: Military institute Publ. (in Russian).
Арцибасов И.Н. Международное право (законы и обычаи войны): учебное пособие. М.: Военный институт, 1975. 298 с.
- Batyr', V.M. (2011) *International Humanitarian Law*. Moscow: Justitsinform Publ. (in Russian).
Батырь В.М. Международное гуманитарное право: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2011. 689 с.
- Borgen, C. (2014) From Intervention to Recognition: Russia, Crimea, and Arguments over Recognizing Secessionist Entities, available at: <http://opiniojuris.org/2014/03/18/intervention-recognition-russia-crimea-arguments-recognizing-secessionist-entities>. [Accessed May 26th 2019].
- Cassese, A. (2004) The Special Court and International Law: The Decision Concerning the Lome Agreement Amnesty. *Journal of International Criminal Justice*. Vol. 2. (4), 1130–1140.
- David, E. (2000) Principles of the Law of Armed Conflicts. Moscow. ICRC Publ. (in Russian).
Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов: курс лекций, прочитанных на юридическом факультете Открытого Брюссельского университета; пер. с фр. / Э. Давид. М.: Международный Комитет Красного Креста, 2000. 718 с.
- Dinstein, Y. (2011) *War, Aggression and Self-Defence*. 5th ed. Cambridge University Press.
- Egorov, S.A. (2000) Kosovo Crisis and the Law of Armed Conflicts. *International Red Cross: Collection of Articles*. (837), 25–34. (in Russian).

- Егоров С.А.* Косовский кризис и право вооруженных конфликтов // *Международный Красный Крест: сборник статей*. М., 2000. № 837. С. 25–34.
- Egorov, S.A. (2003) *Armed Conflicts and International Law*. Moscow: Diplomatic Academy of the MFA of Russia Publ. (in Russian).
- Егоров С.А.* Вооруженные конфликты и международное право. М.: Науч. кн., 2003 (Дипломат. акад. МИД России). 412 с.
- Gasser, H-P. (1983) Internationalised non-international armed conflicts: Case studies of Afghanistan, Kampuchea and Lebanon. *American University Law review*. Vol. 33. 145–161.
- Gasser, H-P. (1993) Humanitarian Standards for Internal Strife — A Brief Review of New Developments. *International Review of the Red Cross*. 33 (294), 221–226. Doi: <https://doi.org/10.1017/S0020860400076981>.
- Gnatovsky, M.M. (2014), Interaction of international humanitarian law and international human rights law during counter-Terrorism and Operational activities in the Eastern regions of Ukraine. Ukrainian revolution of hygiene, aggression of the Russian Federation and international law in the Order Oleksandr Zadorozhny. Kyiv, 779–801. (in Ukrainian).
- Гнатовський М.М.* Взаємодія міжнародного гуманітарного права та міжнародного права прав людини під час Антитерористичної операції у східних регіонах України // Українська революція гідності, агресія РФ і міжнародне право. Упорядник Олександр Задорожній. Київ. 2014. С. 779–801. (in Ukrainian).
- Greenwood, C. (1987) The Concept of War in Modern International Law. *International and Comparative Law Quarterly*. Vol. 36. (2). 283–306.
- Kolb, R. and Hyde, R. (2008) *An Introduction to the International Law and Armed Conflicts*. 3th ed. Hart Publishing. Oxford.
- Kotlyarov, I.I. (2013) *International legal regulation of armed conflicts (basic theoretical problems and practice)*. Moscow: Jurlitinform Publ. (in Russian).
- Котляров И.И.* Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов (основные теоретические проблемы и практика). М.: Юрлитинформ, 2013. 504 с.
- Kotlyarov, I.I., Puzyreva, J.V. (2014) Ukrainian Armed conflict and international law. *Vestnik Moscovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. (10), 265–271. (in Russian).
- Котляров И.И., Ю.В. Пузырева.* Вооруженный конфликт на Украине и международное право // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 265–271.
- Kremnev, P.P. (2016) Applicability of legal norms to the armed conflict in Syria and the attack on Russian pilots of the downed SU-24. *Legislation*. (7), 79–86. (in Russian).
- Кремнев П.П.* Применимость правовых норм к вооруженному конфликту в Сирии и нападению на российских летчиков сбитого СУ–24 // Законодательство. 2016. № 7. С. 79–86.
- Lobanov, S.A. (2015) Armed conflict in South-Eastern Ukraine: assessment from the point of view of international law. *Vyzovy globalnogo mira. Vestnik IMTP. [The challenges of global peace. Vestnik IMTP]* 1 (5), 62–74. (in Russian).
- Лобанов С.А.* Вооруженный конфликт на Юго-Востоке Украины: оценка с точки зрения международного права // Вызовы глобального мира. Вестник ИМТП, 2015. № 1(5). С. 62–74.
- McNair, L., Watts, A.D. (1966) *The Legal Effects of War*. Cambridge Univer. Press.
- Merezhko, O. (2015) Crimea's Annexation by Russia — Contradictions of the New Russian Doctrine of International Law. Available at: <http://knlu-kyiv.academia.edu>. (Accessed 26 May 2019).

- Poltorak, A.I., Savinskiy, L.I. (1976) *Armed Conflicts and International Law*. Moscow: Nauka Publ. (in Russian).
Полторак А.И., Савинский Л.И. Вооруженные конфликты и международное право. М.: Наука, 1976. 217 с.
- Silven, V. (2009) Typology of armed conflicts in international humanitarian law: legal concepts and real situations. *International Review of the Red Cross*. Vol. 91. No 873, 91–126. (in Russian).
Сильвен В. Типология вооруженных конфликтов в международном гуманитарном праве: правовые концепции и реальные ситуации // Международный журнал Красного Креста. 2009. Т. 91. № 873. 91–126.
- Schindler, D. (1982) International humanitarian law and internationalized internal armed conflict. *International Review of the Red Cross*. 22 (230), 255–264.
- Shany, Y. (2015) Does International Law Grant the People of Crimea and Donetsk a Right to Secede? Revisiting Self-Determination in Light of the 2014 Events in Ukraine, available at: <http://bjwa.brown.edu/21-1/does-international-law-grant-the-people-of-crimea-and-donetsk-a-right-to-secede-revisiting-self-determination-in-light-of-the-2014-events-in-ukraine> (Accessed 14 June 2019).
- Shirmammadov, K. (2016) How Does the International Community Reconcile the Principles of Territorial Integrity and Self-Determination? The Case of Crimea. *Russian Law Journal*. Vol. 4. (1).
- Stewart, G.G. (2003) Towards a single definition of armed conflict in international humanitarian law: analysis of internationalized armed conflict. *International Journal of the Red Cross: Collection of Articles* (849–852), 129–175. (in Russian).
Стюарт Д.Г. К единому определению вооруженного конфликта в международном гуманитарном праве: анализ интернационализированного вооруженного конфликта // Международный журнал Красного Креста: сборник статей. 2003. № 849–852. С. 129–175.
- Swinarski, C. (1984) *Studies and Essays on International humanitarian law and Red Cross Principles of Jean Pictet*. Geneva. ICRC.
- Zadorozhniy, O.V. (2014) International legal principle of nonuse of force or threat of force in the context of actions of the Russian Federation against Ukraine. *Pravova derzhava. Constitutional state. Pravovoe gosudarstvo*. Odesa. Feniks. (8), 129–134. (in Ukrainian).
Задорожний О.В. Міжнародно-правовий принцип незастосування сили або погрози силою в контексті дій Російської Федерації проти України // Правова Держава. Constitutional state. Правовое государство. Одеса. Фенікс, 2014 (18). С. 129–134. (in Ukrainian).
- Zadorozhniy, O.V. (2015) *Russian doctrine of international law after the annexation of Crimea*. Kiev. K.I.S. Publ. (in Russian).
Задорожний А.В. Российская доктрина международного права после аннексии Крыма. Киев. К.И.С., 2015. 144 с.
- Zadorozhniy, O.V. (2017) The violations of the principle of sovereign equality of states in Russia's aggressive war against Ukraine. *Almanac of international law. Topical problems of international law*. 7. Odesa. 3–19. (in Ukrainian).
Задорожний О.В. Порухення принципу суверенної рівності держав в агресивній війні Росії проти України // Альманах міжнародного права. Актуальні проблеми міжнародного права. Випуск 7. Одеса. 2015. С. 3–19.

Об авторе:

Кремнев Петр Петрович — доктор юридических наук, профессор кафедры международного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук

ORCID ID: 0000-0001-6856-7941

e-mail: intermsu@rambler.ru

Для цитирования:

Кремнев П.П. Вооруженный конфликт на Юго-Востоке Украины: правовая квалификация и последствия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23 № 3. С. 394–412. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-3-394-412.

Дата поступления в редакцию: 17 июня 2019 г.

Дата принятия к печати: 17 июля 2019 г.

Research Article

ARMED CONFLICT IN THE SOUTH-EAST OF UKRAINE: LEGAL QUALIFICATIONS AND CONSEQUENCES

Petr P. Kremnev

Lomonosov Moscow State University
13, b.1, Leninskie gory, 119991, Moscow, Russia

Unconstitutional change of power in Ukraine as a result of the "Maidan revolution" in February 2014, with the subsequent power grab by Ukrainian radicals of local authorities under nationalist slogans, led to the establishment of control over parts of the territory of Donetsk and Lugansk regions by Donbass militias, and then to the ongoing fighting between the armed formations of the latter with units of the regular armed forces of Ukraine. The purpose of this publication is to establish the form of the armed conflict and its legal consequences from the standpoint of current international law, which has not yet found proper legal analysis and coverage in either domestic or foreign (including Ukrainian) legal doctrine. In official statements and legislative acts of Ukraine, this conflict is declared as a "state of war with Russia", "aggression of Russia", and the Ukrainian doctrine of international law almost unanimously declares the need to apply to the conflict the norms of international humanitarian law and qualifies it as an international armed conflict. In this publication, on the basis of the analysis of existing international legal norms and legal doctrine, the qualification of existing forms of armed conflicts is carried out: war, international armed conflict, non-international armed conflict, internationalized armed conflict. This examines the legal consequences (or otherwise the obligations of the parties to the conflict) that are caused by each form of such armed conflict, that is concealed and ignored by the Ukrainian side. On the basis of the theoretical and legal analysis of the UN Charter, the relevant provisions of the Geneva conventions on the protection of victims of war of 1949 and Additional protocols I and II of 1977, the author qualifies the situation in the South-East of Ukraine as a non-international armed conflict and the obligation to comply with applicable legal norms by all parties to the conflict. At the same time, the author comes to the conclusion about the insolvency of the claims about the applicability of the rules governing other mentioned forms of armed conflicts.

Key words: non-international armed conflict, legal consequences, conflict in Donbass

About author:

Petr P. Kremnev — Doctor of Legal Sciences, Professor of the Department of International Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University

ORCID ID: 0000-0001-6856-7941

e-mail: intermsu@rambler.ru

For citation:

Kremnev, P.P. (2019) Armed conflict in the South-East of Ukraine: legal qualifications and consequences. *RUDN Journal of Law*. 23 (3), pp. 394–412. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-3-394-412.

Article received June 17, 2019

Article accepted July 17, 2019